

В. А. МИГАЧЕВ

**ГЕРМАНСКИЙ ДЕНТАЛЬНЫЙ ПРЕТЕРИТ
И ЕГО МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС**

В системе германского глагола представляется возможным выделить некоторую группу явлений, типичных для всего диалектного ареала. Однако подобные явления не всегда могут быть спроецированы в общеиндоевропейское состояние, ибо они могут быть результатом или поздних ареальных контактов или индивидуального развития диалектов данного ареала. Согласно утвердившемуся в германской компаративистике мнению, дентальный претерит, выделяющий германские языки в группе индоевропейских, является как раз сложившейся в более позднее время инновацией. Ответа на вопрос о генезисе данного феномена искали многие ученые, однако ни одна из многочисленных теорий не нашла единодушного признания.

В зависимости от исходной модели, все существующие теории можно подвергнуть грубой классификации: 1) так называемая композиционная теория, предполагающая агглютинацию глагольной основой и.-е. корня **dhē/dhō*; 2) теории, возводящие германский претеритальный формант к и.-е. архетипам *-ti/-to*, *-t-*, *-tai*, *-dh-* и т. д.; 3) теории, согласно которым исследуемое явление носит полигенетический характер.

В современной литературе существует большое количество работ, подробно представляющих историю вопроса и библиографию исследований по данной теме и повторение их в рамках данной статьи представляется излишним¹. Несмотря на практически трудно обозримый материал исследований, посвященных проблеме генезиса дентального суффикса германского слабого претерита, данный вопрос остается одним из наиболее неясных и запутанных в современной германистике.

В работе, посвященной германскому слабому прошедшему, А. Одэ как особую заслугу Коллитца отмечает то, что он «из узких рамок германистики вынес проблему германского дентального претерита в необозримое пространство индоевропейстики». Вопрос о том, является ли это явление германской инновацией или прямым индоевропейским наследием, представляется нам отдельной проблемой, где исследователю заведомо предоставлено обширное поле для умозрительных построений и самых противоречивых гипотез и где, как справедливо указывал Я. Свердруп, «кажется, исчерпаны все средства в бесплодных попытках». В настоящее время мы не можем считать научной целью проблему происхождения германского дентального суффикса, иначе мы вновь удалимся в область глоттогонии. Реально мы

¹ М. М. Г у х м а н, Глагол в германских языках, в кн.: «Сравнительная грамматика германских языков», IV, М., 1966, стр. 400; и особенно: Н. C o l l i t z, Das schwache Präteritum und seine Vorgeschichte, «Hesperia», 1, 1912; J. S v e r d r u p, Das germanische Dentalpräteritum, NTS, 2, 1929; R. W i s n i e w s k i, Die Bildung des schwachen Präteritums und die primären Berührungseffekte, PBB, 85, 1—2, 1963; G. M o c z y g e m b a, Das germanische Verbalsystem, I—II, Wien, 1965; G. B e c h, Die Entstehung des schwachen Präteritums, København, 1963; R. H i e r s c h e, Neuere Theorien zur Entstehung des germanischen schwachen Präteritums, ZfdPh, 87, 3—4, 1968.

имеем дело с микросистемой претерита в системе германского глагола, поэтому, прежде чем реконструировать индоевропейский морфологический архетип дентального формата, необходимо объяснение его германского статуса, где и по сей день так много неясного и спорного.

Традиционные и структурно ориентированные направления лингвистики сосредотачивали внимание на системных отношениях внутри отдельных языковых уровней, система языка при этом представлялась как некоторая иерархия уровней. Позднее стало очевидным, что особый интерес представляют не внутриуровневые отношения, а перекрестные отношения между уровнями. Подобный подход к языковой системе исключает в некоторой степени анахронизм и имманентность при ее анализе. В связи с этим, современные диахронические исследования все больше опираются на морфологический анализ, зачастую объясняя явления фонологического уровня как результат морфологических тенденций². Приходится лишь сожалеть, что современная лингвистика не располагает общепризнанной теорией или достаточно разработанными и обоснованными принципами относительно межуровневых взаимодействий, хотя многочисленные позитивные результаты, достигнутые с помощью морфологического анализа, настоятельно диктуют необходимость создания таковых.

Не останавливаясь подробно на вопросе о соотношении фонологии и морфологии³, мы лишь отмечаем, что между этими базисными уровнями существует некоторый контур колебаний, комплекс взаимозависимости («мостик» — по выражению А. А. Реформатского), доминирующее положение в котором нередко отдается морфологии, как высшему уровню иерархии. Любые нарушения этого контура, вызванные проведением фонетических законов, встречают рано или поздно сопротивление со стороны морфологической системы. Результат может оказаться двояким: 1) устранение действия фонетических законов в тех формах, которые были бы морфологически двусмысленны или выглядели бы парадигматически изолированно; 2) морфологическая система становится более гибкой, способной втянуть в парадигматический ряд новые алломорфы⁴. Образцом подобного взаимодействия может служить неоднократно цитируемый пример развития гот. **sohta* (реконструировано на основании др.-исл. *sōtta*, др.-англ. *sōhte*, др.-сакс. *sōhta*, др.-в.-нем. *suohta*) в *sokida* через ступени **sokita* < **sohita*. Данная реконструкция справедлива, по-видимому, и в отношении гот. *habaida*, *libaida*, *hugida* и т. д. В качестве примера, подтверждающего вышесказанное, могут служить претеритальные формы типа др.-в.-нем. *dahta*, позднее *dacta*, причастие II *gidaht*, но *gidactēr*, *gideckit* (флективные образования). Здесь важно отметить, что морфологическая система языка стремится к унификации, к выравниванию консонантных различий в оформлении основы (которые вызваны проведением фонетических законов и являются иррелевантными для морфологии), проводя по всей парадигме или согласную презенса или претерита (реже). Данный

² Достаточно сослаться на методику анализа явлений конца слова в германских языках, предложенную Э. А. Макаевым («Сравнительная грамматика германских языков», 2, М., 1962, стр. 291).

³ См.: А. А. Реформатский, О соотношении фонетики и грамматики (морфологии), в его кн.: «Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия», М., 1970, стр. 398—421; Э. А. Макаев, К вопросу о соотношении фонетической и грамматической структуры в языке, «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ», IX, 1956.

⁴ Случай разрушения парадигмы под влиянием фонетических законов и образование суперморфем — чрезвычайно редки. Примером того, как обстоятельства морфологического уровня (парадигматические условия) способны ограничивать или стимулировать фонетические изменения, может служить разбор реализации латинских групп *-rg-*, *-lg-*, *-ng* в палеороманской перспективе, представленный в работе: J. M a l k i e l, The inflectional paradigm as an occasional determinant of sound changes, сб. «Directions for historical linguistics», Austin, 1968.

процесс был особенно характерен для древневерхненемецкого⁵ и древнеисландского (см. ниже).

Элиминирование действия фонетических законов подобным образом чрезвычайно осложняет картину становления парадигм и реконструкцию праформ. Представляется в этой связи не безынтересной попытка проследить механизм подобных взаимовлияний между фонетикой и морфологией, выяснить удельный вес как фонологического, так и морфологического уровней при становлении парадигм, что в свою очередь позволит подтвердить или отклонить некоторые реконструкции. Это, по нашему мнению, и составляет основную задачу диахронической морфонологии⁶. Ниже делается попытка рассмотрения германского дентального претерита как морфонологической проблемы. Это предполагает в свою очередь следующий круг вопросов: 1) морфонологическая характеристика представленных в германских диалектах алломорфов дентального формата прошедшего времени; 2) их синхронная и диахроническая интерпретация; 3) вычленение инвариантов морфонологической цепочки алломорфов по диалектам; 4) вскрытие ограничивающих и стимулирующих тенденций, определение при этом удельного веса морфологических и фонологических факторов; 5) установление диапазона допустимой вариативности алломорфов в морфонологическом ряду и степени его разброса и некоторые другие. Подобный анализ германского материала имеет конечной целью внутреннюю реконструкцию общегерманского состояния интересующей нас морфемы.

Дентальный форматив прошедшего времени представлен пятью алломорфами: /ǃ/, /t/, /d/, /ð/ и /s/. Все пять алломорфов наличествуют в готском и древнеисландском диалектах, древнеанглийский сохранил четыре: /ð/, /t/, /d/, /s/, древнесаксонский и древнефризский — три: /d/, /t/, /s/, древневерхненемецкий — два /t/, /s/⁷. Диакритические функции алломорфов являются с морфологической точки зрения иррелевантными: план содержания, предположим, /ǃ/ = /ð/ = /t/ = /d/ = /s/. Дистрибуция данных алломорфов по диалектам (синхронное и диахроническое представление) отражена в таблице (см. стр. 89).

Пять алломорфов готского языка обладают неодинаковой встречаемостью. Сфера действия /s/, /d/, /t/, /ǃ/ весьма ограничена и замыкается практически единичными образованиями. Чрезвычайно частотным оказывается алломорф /ð/ — признак всех вторичных глаголов. Предсказуем во всех глаголах данного класса. Диахронически должен рассматриваться как вторичный (в противопоставлении с /t/, /s/, /ǃ/). Оказывает индуцирующее влияние на другие алломорфы (ср. случай с *sokida* < **sohta*) и является обобщающим на уровне готского языка. Этому способствовали две тенденции: 1) дентальный претерит постепенно становится дифференциальным признаком парадигматики вторичных глаголов (в силу их многочисленности); 2) для готского языка была, по-видимому, характерной тенденция к прове-

⁵ W. Braune, W. Mitzka, Althochdeutsche Grammatik, 10. Aufl., Tübingen, 1961, стр. 150—155, особенно стр. 267, 287.

⁶ Автор данной статьи придерживается тех схем, понятий и установок морфонологии как особой лингвистической дисциплины, которые были кодифицированы в работах отечественных морфологов. См. работы Э. А. Макаева и Е. С. Кубряковой в сб. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие», М., 1969, и в сб. «Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков», М., 1972. Ср. иной подход к морфонологии, представленный в работах: J. Kurylowicz, Phonologie und Morphonologie, сб. «Phonologie der Gegenwart», Wien, 1967; е го же, The notion of morpho(pho)neme, сб. «Directions for historical linguistics», Austin, 1968.

⁷ Методику вычленения алломорфов по диалектам см. в нашей работе «Некоторые особенности готского языка при оформлении претеритальной парадигмы» в сб. «Синхронно-типологические и историко-типологические исследования (на материале языков разных систем)», М., 1972.

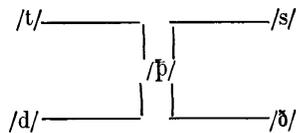
дению соединительного (или основообразующего) элемента презентной парадигмы по всему парадигматическому ряду. Отклонений в оформлении претеритальных форм вторичных глаголов в готском языке не отмечено.

Алломорф /t/ является признаком первичных и претерито-презентных глаголов с основами, исходящими на гуттуральные и лабиальные (дифференциальный признак глухость — звонкость иррелевантен). Предсказуемость данного алломорфа очевидна во всех случаях. Фонетическая закономерность его подтверждается общепризнанными фонетическими процессами, свойственными для общегерманского и готского уровней. Из этого следует, что если готский первичный глагол аналогичной структуры корня имеет в претеритальных формах алломорф /ð/, то он должен рассматриваться как вторичное, более позднее образование (ср. формы типа *libaida*, *habaida*, *sokida* и т. д.). Сохранению данного алломорфа способствовали следующие обстоятельства: его центральное положение в морфонологической цепочке; относительная устойчивость сочетаний *-ht-*, *-ft-* в германских языках.

Алломорф /t̥/ является дифференциальным признаком одного претерито-презентного глагола. Форма *kunþa* строго закономерна фонетически. В этой связи форма *munda* аналогичной структуры основы должна рассматриваться как более позднее по отношению к *kunþa* образование (см. ниже).

Алломорф /d/ является признаком двух претерито-презентных глаголов и иррегулярного *wiljan*: *munda*, *skulda*, *wilda*. Алломорф /s/ встречается только в форме *wissa*. Сохранился в готском языке, как и во всех германских, как реликт древнего индоевропейского образования.

Картина распределения алломорфов дентального формата, представленная в готском языке, может быть отображена графически следующим образом:

Подобное представление является единственно возможным для готского языка с диахронической точки зрения. Вариант /t/ фонемы /p/, отмеченный в формах типа гот. *baúhta*, *þāhta*, *ohta*, *mahta*, *þūhta*, *waúrhta*, строго закономерен: и.-е. *k*, *g*, *gh*, + *t* > *kt* > герм. *ht*: **reġ-tos* > **rek-tos* (др.-греч. ῥεχτός, лат. *rectus*) > гот. *raihths* «правильный, прямой»; и.-е. **nog-t* > **nokt* (др.-инд. *nakt-*, лат. *noct*) > гот. *nahths* «ночь»; и.-е. **bug-* > гот. *baúhta*; и.-е. **teng-t* > **þenk-t* > гот. *þāhta*, *þūhta*; и.-е. **ǵerg-t* > *ǵerk-t* > гот. *waúrhta* и т. д. Вариант /s/ фонемы /p/ является общепризнанной в германистике корреспонденцией: и.-е. **ǵeid-t* > **ǵeitt* > гот. *wissa*. Вариант /d/ фонемы /p/ закономерен в формах *skulda wilda*: **ǵalðō/ǵalþō* (презентное образование на *tō*) > гот. *haldan* «пасти», др.-исл. *hala*, др.-англ. *healdan*, др.-фризск. *halda*, др.-сакс. *haldan*, др.-в.-нем. *haltan*; **ǵal-tō* > (лат. *valeo*), гот. *waldan*, др.-исл. *valda*, др.-англ. *wealdan*, др.-сакс. *waldan*, др.-фризск. *walda*, др.-в.-нем. *waltan* «господствовать, править».

Вариант /ð/ объясняется акцентными отношениями внутри слова: /p/ в интервокальном положении реализуется еще в общегерманском как звонкий спирант под воздействием просодических факторов. Данное положение обычно иллюстрируется в германистике следующими примерами: и.-е. *pātēr* > гот. *fadar*, др.-исл. *faþer*, др.-англ. *fæder*, др.-сакс. *fadar*, др.-в.-нем. *fater* «отец», но и.-е. **bhrā́tēr* > гот. *brōþar*, др.-исл. *brōþer*, др.-англ. *brōþar*, др.-сакс. *brōðar*, др.-в.-нем. *bruoder* «брат». Вариант /p/ отмечен лишь в форме *kunþa*. Данная форма была неоднократно предметом обсуждений и контраверсных толкований. Признание ее закономерным

фонетическим развитием (* $\hat{g}n-t > kun\check{t}a$) подтверждается многими примерами: и.-е. * $\hat{g}n-tos >$ гот. $kun\check{t}s$; * $\hat{g}n-tis >$ гот. $gakun\check{t}s$; * $gym-tis >$ гот. $gaqum\check{t}s$ «собрание» и проч. Однако особого объяснения требует соположение форм $kun\check{t}a$, с одной стороны, и $munda$ (в какой-то степени и $skulda$, $wilda$), с другой. И если готскую форму $munda$ можно было бы как-то объяснить с морфологической точки зрения, ибо в готском языке реально представлена форма $mun\check{t}a$ — дат. падеж ед. числа существительного чистой основы на $-a$ — $mun\check{t}s$ «рот» (L. 4,22; L.19.22; R.10.8,9, 10; R. 15,6; k 13,1), то встречаемые данные прочих германских диалектов, отражающие ту же противоречивую картину, что и в готском (ср. др.-исл. $kunna$, $kunnr$, $forku\check{t}r$ (где $nn < *n\check{p}$) — $munda$, $skulda$, $vilda$; др.-англ. $cu\check{d}e$, $munde$, $sceolde$, $wolde$; др.-сакс. $konsta$, $farmonsta$ (заведомо поздние формы) — $scolda$, $woldal$ / $welda$; др.-в.-нем. $kunda$ / $konda$ / $konsta$ — $scolta$, $wolta$ / $welta$), предполагают проекцию подобной дистрибуции на общегерманскую плоскость.

Объясняя данную непоследовательность, Г. Пауль, опираясь на положение К. Вернера о том, что герм. $-nn-$ в контакте с $-t-$ приводило или к $-n\check{p}-$ или к $-nst-$, писал: «Откуда и почему происходило подобное раздвоение на $-nst-$ и $-n\check{p}-$? Ответ можно дать с полной уверенностью: там, где дело касается суффикса $-ti-$, везде должно быть $-nst-$, никогда $-n\check{p}-$. Колебания между $-n\check{p}-$ и $-nst-$ объясняются, как и противопоставления типа $hogda: bohta$ — * $nndh$ и * $nnt >$ гот. $-n\check{p}-$, $-nst-$, т. е. претерит $kun\check{t}a$, но причастие * $kunsts$. Затем последовал процесс выравнивания...»⁸. Подобное объяснение со ссылкой на форму * $kunsts$ и на позднейшее выравнивание ее по аналогии с претеритом — гот. $kun\check{t}s$ — неубедительно уже потому, что дистрибуция этих форм одинакова во всех германских диалектах. Кроме того, неясными остаются тенденции действия аналогии: причастие по претериту (в случае с $kun\check{t}a$) или наоборот, претерит по причастию (в случае с $munda$). В том же томе «Beiträge...» Г. Мёллер предлагает новое решение: группа согласных $-tt-$ с общегерманским ударением на предшествующем слоге (т. е. на основе) реализуется в германских языках как $-st-$, с ударением же на последующем слоге (т. е. на флексии) — реализуется как $-ss-$ в интервокальном положении, но как $-p-$ в следовании за l , n . Его реконструкция: претеритальная форма * $\hat{g}ntt\acute{a}m >$ * $kun\check{p}\check{t}an$; именная форма * $\hat{g}nttis >$ * $kunsts$. При этом в форме * $kun\check{p}\check{t}an$ переход $\check{p}\check{p} >$ \check{p} произошел в период действия закона Вернера, что послужило причиной, воспрепятствовавшей развитию $\check{p}\check{p} >$ ss ⁹. И хотя в целом сомнительность реконструкции Г. Мёллера очевидна, его вывод о том, что «готская форма претерита $kun\check{t}a$ есть результат только герм. * t »¹⁰, приходится признать корректным. Позднее аналогичная точка зрения представлена в большинстве сравнительных грамматик¹¹: * $\hat{g}nti^o >$ гот. $kun\check{t}a$, но * $m\check{n}t\acute{o} >$ гот. $munda$. Логично было бы рассматривать соотношение гот. $munda: kun\check{t}a$ как соотношение двух гетерохронных образований, утвердившихся в языке в результате определенных морфонологических тенденций, аналогичных тем, что привели к реставрации морфонологически естественных, но фонетически немислимых форм типа $waist$ ($< *woid-tha$), $kant$ ($< *g\check{n}-tha$) и пр. Интересно отметить, что в древнеисландском языке реально представлена форма $monn$, свидетельствующая о том, что здесь некогда существовала закономерная форма * $mon\check{p}$ ($< *m\check{n}-tha$) (ср. также гот. $skulan$ — 2-е лицо ед. числа наст. времени $skalt$, а не фонетиче-

⁸ H. P a u l, Zur Bildung des schwachen Präteritums und Participiums, PBB, 7, 1880, стр. 150.

⁹ H. M ö l l e r, Zur Konjugation $kun\check{t}a$ und t -Präteritum, PBB, 7, 1880, стр. 459.

¹⁰ Там же, стр. 467.

¹¹ См., например: E. K i e s e r s, Handbuch der vergleichenden gotischen Grammatik, München, 1960, стр. 263.

ски закономерное *skalþ* < **skl̥-tha*), др.-исл. *skall* < **skalþ* (при **l̥þ* > *ll*). Попытки чисто фонетического объяснения вышеуказанных форм неубедительны¹², ибо алломорфная природа показателя 2-го лица ед. числа /*t*/ (из постулируемых /*t*/, /**d*/, /**þ*/, /**s*/) объясняется переключением его на морфологический уровень: здесь *t* является морфемой, находящейся под защитой системы от влияния фонетических процессов. С нашей точки зрения только такое объяснение является содержательным для готских форм типа *kant*, *gamt*, *skalt*, равно как и для претеритальных форм *kunþa*, но *tunda*, из которых только первая является фонетически закономерной. Этимологическое написание и произношение /*þ*/ в этой форме очевидно.

В отношении количества и качества алломорфов дентального формата древнеисландский язык весьма близок к готскому. Здесь так же, как и в готском, представлено пять алломорфов /*þ*/, /*d*/, /*ð*/, /*t*/, /*s*/, Частотность их неодинакова: сфера действия /*s*/ ограничена единичными формами, шире представлен /*ð*/: в интервокальном положении форм глаголов II класса, а также в многочисленных поздних образованиях, вызванных древнеисландским синкопированием соединительного или основообразующего элемента (*dóma* — *dómta* < **dōmiðō*). Частотность алломорфов /*t*/, /*d*/, /*þ*/, их валентность значительно выше, чем в готском. Это связано с различными поздними ассимилятивными процессами, отмеченными в древнеисландском языке. Относительная близость фонологических систем этих диалектов обусловила совпадение качества и количества древнеисландских и готских алломорфов; различная валентность обусловлена, без сомнения, гетерохронностью памятников и динамизмом древнеисландского в отличие от синхронно представленного готского.

Картина этимологического представления древнеисландских алломорфов значительно сложнее. С диахронической точки зрения приходится проводить различие между алломорфами /*t*₁/ и /*t*₂/, где первый возник еще в общегерманском и сохранился до первых письменных памятников, второй является результатом поздних ассимилятивных процессов: *sōt ta*, *þōtta*, *þātta*, *orta*, *atta*, *þurfta*, *mātta*, *knātta* /-*t*₁/ и *latta*, *vakta*, *sekta*, *setta*, *mōt ta*, *huesta*, *drekta* и пр. — /*t*₂/ (см. табл.). Подобное генетическое разделение алломорфа /*t*/ на /*t*₁/ и /*t*₂/ ничем не обусловлено на синхронном срезе: они оказываются совершенно эквивалентными как по артикуляторно-акустическим, так и морфологическим признакам. Аналогично /*d*₁/ в формах типа *sculda* и /*d*₂/ — *selda*, *dynda*, *gladda*, *deilda*, *lodda* и пр. С этимологической точки зрения представляется справедливым вычленение алломорфа /*þ*₁/ в формах претерита *unna*, *kunna* (< **unþa*, **kunþa*), алломорф /*þ*₂/ отмечен в формах поздней реорганизации типа *drekþa*, *sekþa*, *orþa*, и пр. (в нормализованном написании), возникших в результате синкопирования соединительного гласного с последующим оглушением звонкого интервокального /*ð*/ > /*þ*/ в контактном положении с глухим смычным¹³. /*ð*₁/ мы вычленяем в формах

¹² Библиографию см. J. D a l, Über die germanische Entsprechung von altind. -*th*-, NTS, 16, 1952, стр. 328—333. В недавнем прошлом Х. Станг пытался объяснить готские формы и.-е. перфекта (2-е лицо ед. числа — др.-инд. -*tha*, др.-греч., -*θη*), исходя из принципов ларингальной теории: соотношение *t/þ* как рефлексов и.-е. -*th*- покоится на положении Ф. де Соссюра о неоднородном происхождении др.- инд. *tenues aspiratae* (*t* + *ə*) (С h r. S t a n g, A quoi correspond en germanique le -*th*- sanscrit? NTS, 15, 1949, стр. 335).

¹³ Возможно, двойное толкование форм типа *hafða*; если учесть, что в древнеисландском *f* в звонком окружении был звонким спирантом (ср.: W. M o u l t o n, The stops and spirants of early Germanic, «Language», 30, 1, 1954; Э. А. М а к а е в, Система согласных фонем в германских языках, «Сравнительная грамматика германских языков», II, М., 1962, стр. 44), то справедливым приходится признать факт регрессивной ассимиляции: /*ð*/; при глухом варианте /*f*/ могла иметь место прогрессивная ассимиляция: т. е. /*þ*₁/ . Дальнейший процесс развития (ср. совр. исл. *hafði* — *hofðum*) говорит в пользу первого предположения.

типа *elskaða*, *spaða*, *vaknaða*, *aða*, *luða* и пр.; /ð₂/ — *tatða*, *barða*, *vanða*, *lagða*, *kembða*, *sléngða* и пр. Отношения алломорфов /p̥₂/ : /t₂/ и /ð₂/ : /d₂/ регулируются в диахроническом плане ассимилятивными процессами, имевшими место в древнеисландском языке после 1250 г.: *mbð* > *mbd*; *lfð* > *lfd* и т. д., но *kð* > *kt*, *fð* > *ft* и т. д.¹⁴

Из вышеприведенного материала явствует, что развитие пяти ранне-древнеисландских алломорфов до четырех в поздне-древнеисландском (после 1300 г.) проходит исключительно на фонетическом уровне. Ассимилятивные процессы привели к исчезновению алломорфов /p̥₁/ и /p̥₂/ . Но если реализация /p̥₂/ > /t₂/ (см. табл.) обусловлена фонетически, то судьба алломорфа /p̥₁/ предопределена морфологическим уровнем: /*p̥₁/ > /#/ > /t₂/; **unn-a* > *unna* > *unta*, **kun|a* > *kunna*¹⁵.

Иными словами, здесь, как и неоднократно ранее, мы приходим к выводу о том, что поздние формы типа *unta*, норв. *kunda* являются результатом морфонологических тенденций грамматической системы языка, стремящейся к дифференциации претеритальных форм, к идентичности парадигматического ряда. Подобным образом должны быть объяснены формы типа *lätta*, *lättr* > *lekða*, *lekðr* > *lekta*, *lektr*; *sötta*, *söttr* > *sokta/sokta*, *sokt* и проч.

Древнеанглийская система прошедшего времени слабых глаголов представлена четырьмя алломорфами дентального формата /d/, /ð/, /t/, /s/. Наиболее частотны /d/ и /t/, редкими формами ограничены /ð/ и /s/. Потеря западногерманскими диалектами алломорфа /p̥/ объясняется обстоятельствами фонетического уровня: общегерманский глухой спирант /p̥/ являлся первоначально сильным спирантом с последующим ослаблением и озвончением в звонком окружении¹⁶. Позднее, но в долитературную эпоху для всей ингвеонской группы типичен переход ð > d¹⁷. Следовательно, в качестве инварианта морфонологического ряда алломорфов мы постулируем архифонему /p̥/, что приводит практически к той же конфигурации, что была представлена в готском и древнеисландском языках.

Для древнеанглийского также существенным оказывается разграничение /t₁/ и /t₂/, /d₁/ и /d₂/ . Алломорф /t₁/ является результатом индоевропейских и общегерманских ассимилятивных процессов, представлен в древнейших претеритальных образованиях. Следует отметить, что древнеанглийский (как и все западногерманские) сохранил их гораздо в большем количестве, нежели древнеисландский или готский языки (более 20 частотных, в большинстве примарных глаголов). По-видимому, данная модель оказалась в древнеанглийском центральной и продуктивной: *īec(e)an* «увеличивать» — *īecte*, *īhte*; подобным образом *ðrȳ csean* «давить», *wleccean* «согреть», *sȳ cean* «сосать» и проч.

¹⁴ Звонкость или глухость спиранта определяется фонологически, так как ранние памятники древнеисландского в написании не различают p̥ и ð. Неудобнее графически, они к тому же могут дезориентировать: так, к примеру, на основании буквенного представления можно заключить, что др.-исл. *talþa* имеет /p̥/ и, следовательно, здесь речь идет о древнейшем слое образований (ср. гот. *kunþa*). Это далеко не так: в форме др.-исл. *talþa* (<**taliðō*) мы вычленим алломорф /ð/, что подтверждается дальнейшим развитием группы; ср. совр. исл. *taldi*, швед. *talde* (при *lð* > *lā*, но: *lþ* > *ll* > *lt*). (Ср.: G. M. O. S. Y. G. E. M. B. A., Das germanische Verbalsystem, II, Wien, 1965, стр. 346).

¹⁵ Форма *kunna* сохранилась и в современном исландском языке без дентального формата, вероятно, потому, что имея его, форма претерита попала бы в разряд табуированных образований (ср. исл. *kunta* «сипнус»).

¹⁶ Ср.: Э. П р о к о ш, Сравнительная грамматика германских языков, М., 1954, стр. 50—55.

¹⁷ E. Sievers, K. Brunner, Altenglische Grammatik, Halle (Saale), 1951, стр. 171—176; K. Luick, Historische Grammatik der englischen Sprache, Bd. I, Abt. II 1964, Stuttgart, стр. 844—848; A. Campbell, Old English grammar, Oxford, 1959, стр. 168, особенно стр. 179—182.

Алломорфы /t₂/ и /d₂/ являются также центральными в морфонологическом ряду. Процесс этимологического развития до уровня западногерманского был рассмотрен выше. В результате поздних реорганизаций древнеанглийский смычный *d* (<**ð*) реализовался как *tenues* в глухом окружении и как *media* — в звонком. Так возникли формы типа *custe*, *cēpte*, *urpe*, *zrette*, с одной стороны, и формы типа *sende*, *demde*, *hīrde* — с другой.

Алломорфы /ð/ и /d₁/ оказались маргинальными в претеритальной системе древнеанглийского языка. Соположение древнеанглийских /ð₁/ и /d₁/ (*uðe*, *ciðe* — *sculde*, *munde*) может быть объяснено как гот. /þ̄/: /d̄/ (*kunþa* — *munda*), ибо данные образования представляют собой в некотором отношении общегерманскую изоглоссу.

Алломорф /s/ постепенно элиминируется как маргинальный в пользу обобщения центральных /t/, /d/. Разумеется, процесс перехода *ss* > *st* (*wisse/wiste*) должен рассматриваться только на морфологическом уровне.

Картина, аналогичная той, что была представлена древнеанглийским материалом, предстает перед нами в древнесаксонском и древнефризском языках. Как в том, так и в другом диалекте инвариантом морфонологической цепочки следует также признать архифоному /**p̄*/. Из четырех алломорфов дентального формата, которыми была представлена, согласно нашей реконструкции (см. табл.), западногерманская претеритальная система, древнесаксонский сохранил лишь два: /t/, /d/. Процесс сохранения одних и элиминирования других алломорфов проходил на различных уровнях. /ð/ и /s/ оказались маргинальными по отношению к /d/ и /t/. Переход /ð₂/ > /t₂/ и /s/ > /t₂/ определялся морфологией; /d₂/ > /t₂/ — фонологическими обстоятельствами.

Алломорф /t₁/ представлен в общегерманской группе глаголов с исходом основы на лабиальный или гуттуральный. В древнесаксонском возможен переход /t₁/ > /d₂/ (ср. *wah̄ta*, позднее *wekida*). Морфонологическая интерпретация данного алломорфа равнозначна по всем диалектам. Алломорф /t₂/ мог возникнуть на фонологическом уровне (<**ð*₂) и на морфологическом (<**ð*₁): *satta*, *dōpta*, *kussta*, но *konsta*, *gionsta*, *monsta* и др. Соотношение /d₁/ и /d₂/ аналогично соотношению /t₁/ и /t₂/: *welda/wolda*, *scolda*, *dēlda*, *fōdda*, *fōrda*, *senda*, *kumda* и пр.

Диахроническое развитие древнефризских алломорфов (/t/, /d/ < /**t*/, /**d*/, /**ð*/, /**s*/), как и морфонологическая интерпретация каждого из алломорфов /t₁/, /t₂/, /d₁/, /d₂/, сходно с тем, что было предложено для древнеанглийского и древнесаксонского. Необходимо указать лишь на то, что древнефризский материал представлен более поздними памятниками (XIII в. и позднее) и такие морфонологические преобразования, как /**s*/ > /t/ уже закончились (в древнефризском форма **wisse* элиминирована). Переход /ð₁/ > /d₂/ (*kuthe:kude*) протекает на уровне фонологии.

Несколько сложнее обстоит дело с интерпретацией двух древневерхненемецких алломорфов /t/ и /d/. Конфигурация /t/ ← /**p̄*/ → /d/, типичная для всех западногерманских диалектов, оказалась здесь в свернутом виде, ибо алломорф /d/ является в сущности /d₂/, в то время как столь частотный западногерманский /d₂/ реализовался в древневерхненемецком как /t₂/. Следовательно, мы в состоянии выделить в древневерхненемецком практически один алломорф /t/, так как /d/ представлен в единственной форме *konda*.

В процессе свертывания морфонологической цепочки алломорфов от западногерманского до древневерхненемецкого не последняя роль отводится древневерхненемецкому передвижению согласных, однако не все корреспонденции могут быть объяснены только фонетически. Известно, что в долитературном древневерхненемецком языке наличествовали: глухой дентальный смычный /t/, звонкий дентальный смычный и спирант /d/

и /ð/ и глухой спирант /þ/. Передвижение согласных не затронуло /þ/, который (в известных условиях) переходит в звонкий смычный /d/¹⁸. Действию передвижения не подвергались глухие смычные в группах *-ht-*, *-ft-*, *-st-*, т. е. /t₁/. Известно также, что в древневерхненемецком звонкий смычный /d/ (<*ð) реализовался после передвижения как /t/. Следовательно, переход /ð₂/ > /t₂/ и /d₁/ > /t₂/ проходил на фонетическом уровне. В отношении /s/ > /t/ следует отметить, что подобная реализация, типичная для всего западногерманского ареала должна быть объяснена только на уровне морфологии. Интересными представляются древневерхненемецкие претеритальные образования с алломорфом /s/: *missa*, *fermissa*, *fermisson* (3-е лицо мн. числа), *missin* (3-е лицо мн. числа оптатива прет.) (N 2, 134, 11; N. 2, 473, 15; 0.2.5. 18 и пр.). В глоссах неоднократно встречается форма причастия II *farmissera* (Gl. 1, 276, 33; Gl. 1, 408, 31) от глагола *missen* «упускать». Аналогичные формы типа *zisazza* (Gl. 2, 496, 31) от *zi-sezzan* «объявлять»; *vuaarezum* (Gl. 1, 818, 28) — *warezen* «соглашаться»; неоднократно в глоссах *gipuozia*, *gipuoza*, *ipuzia* (Gl. 4, 91) — от *buozzen* «восстанавливать».

Данные формы могут быть истолкованы как 1) явления, возникшие в результате морфонологической тенденции к закреплению на некотором уровне древневерхненемецкого алломорфа /s/ (в связи с обобщением /t/); 2) как рифмованные образования: у Отфрида «quad gúat joh úbil wessin, thes guates thoh ni missin»¹⁹ (ср., однако, эти формы в глоссах); 3) как пласт древнейших образований, чудом сохранившийся в этом диалекте.

Диахронический процесс развертывания и свертывания морфонологического ряда алломорфов дентального претерита в германских диалектах (о чем говорилось выше) может быть наглядно представлен схематически (см. таблицу)²⁰.

В рамках одной статьи не представляется возможным привести весь материал, иллюстрирующий данную таблицу, следует, однако, оговорить, что все зафиксированные в древних германских памятниках претеритальные формы «укладываются» в эту схему. Морфонологический анализ алломорфной природы системы германского дентального претерита подтверждает реконструкцию архиморфемы /*t/, а не /*dh/ или /*d/. Вышеприведенная схема отчетливо указывает на то, что чем глубже мы проникаем в историю германских языков, тем большее количество алломорфов мы должны реконструировать. Общегерманское передвижение согласных, ассимилятивные процессы, комплекс изменений, обобщенный в германистике под «законом Вернера» привели к кардинальному изменению фонологического облика претеритальной морфемы.

Разброс алломорфов от одного до пяти (в зависимости от диалекта) объясняется рядом причин. На ранних срезах общегерманского морфонологического система слабого прошедшего находилась в зародышевом состоянии. Интенсивные словообразовательные процессы, повлекшие за собой формирование по продуктивным индоевропейским моделям большого количества вторичных глаголов, вышеупомянутые причины фонологического уровня, различное структурное оформление основ вновь создаваемых глаголов, просодические факторы — весь этот арсенал средств был направлен против упрочения парадигмы.

¹⁸ См.: W. B r a u n e, W. M i t z k a, Althochdeutsche Grammatik, Tübingen, 1961, стр. 80.

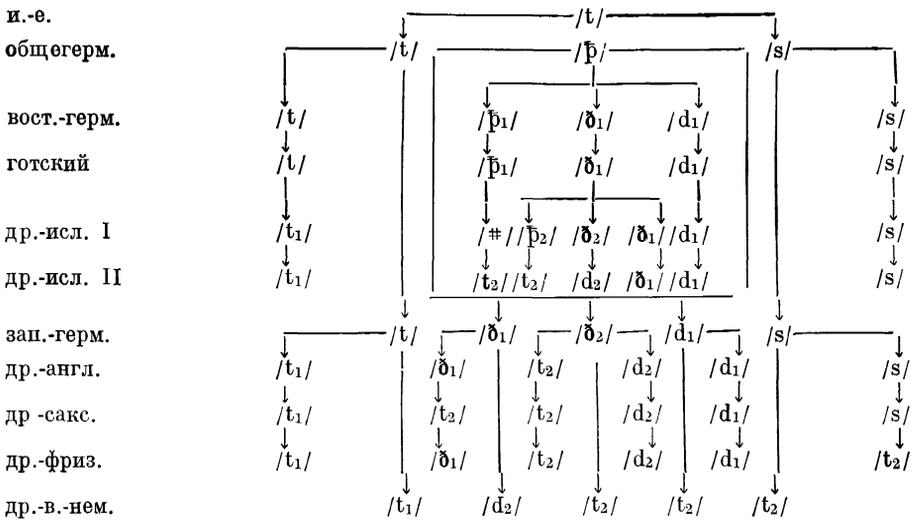
¹⁹ Цит. по изд.: L. W o l f f, Otfrieds Evangelienbuch, Tübingen, 1962, стр. 64.

²⁰ Под «восточногерманским [срезом]» мы имеем в виду не генетическую, а структурно-типологическую общность готского и древнеславянского диалектов. Ср. однако: E. S c h w a r z, Goten, Nordgermanen, Angelsachsen, München, 1951, стр. 47—142.

Представляется необходимым проследить дистанции морфонологических рядов, допустимый порог вариативности алломорфов внутри этих рядов по диалектам. Положение алломорфа (центральное или маргинальное) в морфонологическом ряду варьируется от диалекта к диалекту и от одного синхронного среза к другому внутри языков: если /θ/ в готском языке является центральным, то в древнеисландском он занимает промежуточное положение между центральными /t/, /d/ и маргинальным /s/; если /t/ в готском является маргинальным (как и в ранне-древнеисландском), то в поздне-древнеисландском (как и во всех западногерманских) он занимает центральное положение.

Представляется справедливым и то, что вопрос о пороге вариативности, о степени допустимого развертывания морфонологического ряда не может, по-видимому, быть решен ни в плане фонологических дифференциальных признаков (ибо то, что релевантно в фонологии, становится здесь избыточным), ни в плане морфологических критериев²¹, а так как морфонология, как небазисный уровень, не имеет своих единиц описания, то, следовательно, ни в плане морфонологическом. Возможно, что эта проблема осложняется еще и тем обстоятельством, что говорящему свойствен элемент «этимологического произношения» наиболее обособленных форм, что ведет к длительному сохранению образований типа гот. *baūhta*, *wissa*, *kunfa*, естественных с этимологической точки зрения, но чрезвычайно маргинальных с синхронной.

Дистрибуция алломорфов дентального формата прошедшего времени в германских языках (синхронное и диахроническое представление)

И, наконец, из таблицы явствует также, что если развертывание морфонологической цепочки алломорфов проходит исключительно на фонологическом уровне, то причины свертывания ее нередко predeterminedены уровнем морфологии, о чем мы каждый раз (как и при определении удельного веса уровней) упоминали, рассматривая структурирование системы германского дентального формата прошедшего времени как морфонологическую проблему.

²¹ Морфонологический критерий необходим, ибо изучаются позиционные варианты одной морфемы, но он не основополагающ. См. об этом: М. В. П а н о в, О значении морфонологического критерия для фонологии; А. А. Р е ф о р м а т с к и й, указ. соч., стр. 368—373, особенно стр. 372.